

Заглавие документа: Половцев, Д.О. Городской топос в романах Ю. Кунчинаса «Туула» и Р. Гавелиса «Вильнюсский покер» / Д.О. Половцев // Вопросы филологии и межкультурной коммуникации: сб. науч. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т ; отв. ред. Н.В. Кормилина, Н.Ю. Шугаева. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2017. – С. 254–257.

Автор: Половцев, Денис Олегович

Тема: Зарубежная литература

Дата публикации: 2017

Издатель: Чувашский государственный педагогический университет

Аннотация: Настоящая статья рассматривает городской топос (на примере города Вильнюса) в романах классиков литовской литературы Ю. Кунчинаса «Туула» и Р. Гавелиса «Вильнюсский покер». Автором статьи выявляются сходства и различия относительно рецепции литовской столицы вышеуказанными художниками слова. В статье делается вывод, что роман Ю. Кунчинаса «Туула» отмечен более романтической поэтизации Вильнюса, нежели автором «Вильнюсского покера» Р. Гавелисом. В последнем Вильнюс предстает статичным (угрюмым, порой мертвым) пространством бывшей советской республики.

ГОРОДСКОЙ ТОПОС В РОМАНАХ Ю. КУНЧИНАСА «ТУУЛА» И Р. ГАВЕЛИСА «ВИЛЬНЮССКИЙ ПОКЕР»¹

В настоящей статье автор рассматривает образ городского топоса (на примере города Вильнюса) в романах классиков литовской литературы Ю. Кунчинаса «Туула» и Р. Гавелиса «Вильнюсский покер».

Юргис Кунчинас (Jurgis Kunčinas, 1947 – 2002) – известный литовский прозаик, поэт, эссеист. Самый известный роман Ю. Кунчинаса – роман «Туула» (“Tūla“, 1993), который был признан лучшей литовской книгой 1993 года и удостоен премии Союза писателей Литвы. Настоящий роман – это повествование о любви к Вильнюсу.

Вербализация чувства любви к женщине по имени Туула (ее имя означает «некая», «некто») прерывается чередой событий, чувством ностальгии, воспоминаниями рассказчика, образным описанием Вильнюса и его пригородов, окрестностей, особенно района Заречья (Ужуписа) (географически этот район расположен чуть на восток от Старого города и долгое время являлся местом проживания бомжей, маргиналов, авангардистов, которые с крушением советской власти основали Независимую Зареченскую Республику).

¹ Настоящая работа выполнена в рамках стажировки автора в Литовском эдукологическом университете (*Lithuanian University of Educational Sciences*) по гранту на проведение научного исследования от образовательного фонда *Education Exchanges Support Foundation* (октябрь – декабрь 2014 г.).

Роман «Туула» вряд ли оставит даже искушенного читателя равнодушным. Кого-то привлечет поэтика эротического, кому-то по душе придется автобиографический элемент (им отмечены почти все романы и рассказы писателя), кто-то будет следовать по стопам рассказчика и открывать для себя свой Вильнюс.

«Сам не знаю, могу ли я любить город, в котором испытал столько унижений, неудач и такую нужду. Зато я познал его в той мере, в какой мне было суждено это сделать» [1, с. 49], – так писал про литовскую столицу Ю. Кунчинас. Писатель чувствовал этот город, он остался верным Вильнюсу до конца своих дней. Роман «Туула» – это своего рода песнь Вильнюсу. Причем автор ни сколько не идеализирует этот город, «опутанный сетями, утыканный радарными, запретительными знаками, заслонами и разного рода помехами, изнуренный безрадостной жизнью и тем не менее ненасытный, голодный и жадный» [1, с. 65]. Даже в грязи, в пыли города Ю. Кунчинас видел жизнь и ее проявления, иногда сквозь призму фотографичности и натуралистической эстетики. По «Тууле» и рассказам писателя «можно восстановить топографию Вильнюса, как по Джойсу – топографию Дублина» [2, с. 9], – небезосновательно считает литовский диссидент и прозаик Т. Венцлова.

Вот, например, с каким трепетом описывает повествователь литовскую столицу из окон Тюрмы пьяниц ранней весной: «Я <...> остолбенел: озаренный золотым светом, вдалеке и вблизи искрился и тихонько жужжал еще безлистый, но уже украшенный почками Вильнюс» [1, с. 170]. Вильнюс, «всосавший тебя и меня в свою темную утробу и выплюнувший потом вместе с тиной, глиной, разными черепками и банками-склянками, с устаревшими деньгами» [1, с. 15], навсегда останется в памяти героя городом, где он испытал свою любовь.

Другой Вильнюс видится Ричардасу Гавелису (Ričardas Gavelis, 1950 – 2002) – литовскому прозаику, драматургу, публицисту и, как отмечают авторы-составители антологии современной литовской литературы «Социальное изменение», – «легенде литовской литературы» [3, p.16].

Р. Гавелис явился одним из трех литовских писателей, которые сыграли особую роль в литературе независимой Литвы 90-х гг. (двое других – Ю. Кунчинас и Ю. Иванускайе). Все трое публиковались и в советской Литве, однако, их настоящее, истинное признание состоялось в атмосфере политической и художественной свободы 90-х гг.

Вильнюс у Р. Гавелиса в романе «Вильнюсский покер» (“Vilniaus pokeris”, 1979 – 1987 гг.) представлен в большей части как бездушная, приходящая в упадок столица бывшей советской республики. Мы не найдем у Р. Гавелиса того вильнюсского романтизма, как, например, у Ю. Кунчинаса. У Р. Гавелиса город часто судорожно задыхается, как умирающий зверь, и главному герою Витаутаса кажется, что только они вдвоем до сих пор живы: «Вильнюс ползет беспомощно, почти парализованный, его руки скованы, а рот заткнут кляпом. Тем не менее, он все еще может думать. Только мы вдвоем все еще живы, пока все еще живы» [4].

Глазами Витаутаса абсолютно все в городе является сном. Вильнюс является городом-призраком, более того, он – город-галлюцинация. Герою кажется, что о городе невозможно видеть сны или представлять его себе, он сам по себе является сном или областью фантазии. Герой замечает, что среди безликих фигур, прогуливающихся по улицам, добрая часть умерших жителей Вильнюса выглядит гораздо живее. Ему не ясно, что же является сном – старый Вильнюс или Вильнюс сегодняшний.

Вильнюс у Р. Гавелиса (и это совершенно справедливо) – граница, где «русская экспансия и европейский дух пошли на войну друг с другом» [4]. Именно в этом городе столкнулось и перемешалось абсолютно все. Вильнюс в романе представляется гигантский «коктейлем». «Вильнюс был этнической столицей Литвы, затем он принадлежал полонизированной Литве, затем – России, потом – Польше, а теперь он принадлежит русифицированной Литве. Где еще существует столица страны, которая принадлежала то одному, то другому, то третьему; столица, которая не была частью Литвы даже тогда, когда Литва была независимой?» [4], – вопрошает автор романа. Вопрос так и остается без ответа.

Вильнюс, как известно, – это также город художников слова, например, А. Мицкевича и Ч. Милоша. Вот с каким чувством иронии писал последний о Вильнюсе: «Вильнюс, прекрасный и мрачный северный город. В окно видна мостовая в ухабах, лужи и кучи навоза. Дальше выщербленная стена и деревянные изгороди. В центре города собаки грызутся посреди улицы, и ни одна машина их не спугнет. Бедная столица! Не смешен ли спор из-за этих запутанных переулков еврейского гетто? Из-за развалин княжеского замка? Из-за нескольких нищих поветов, население которых растит лен на бесплодных песках и вместо махорки курит вишневые листья, а вместо спичек у них кресало?.. Восточный Страсбург, раздираемый двумя враждебными силами. Заржавленный ключ от захлопнутых дверей Восточной Европы» [цит. по: 5, с. 221]. Любопытно, что в 1978 году Т. Венцлова в письме Ч. Милошу писал о Вильнюсе следующее: «Ты говоришь, что для Тебя Вильнюс – возможность нормальности. Для меня он никогда нормальностью не был. В детстве я очень сильно, хотя и неясно, ощущал, что мир вывихнут, опрокинут, искалечен. Позже стал думать (в сущности, думаю и сейчас), что живем мы уже после светопреставления, что, впрочем, не снимает с нас никакой ответственности. В моем Вильнюсе существовали только анклав, дающие некоторое представление о том, исчезнувшем, нормальном мире» [6].

Думается, что и для героя романа Витаутаса Варгалиса Вильнюс перестал был «нормальностью»: он «превратился в пустой, бессмысленный лабиринт, в котором вы могли блуждать до смерти, даже не понимая, что выхода нет, что это абсолютный лабиринт» [4]. Дух города запугивал Витаутаса. Весь Вильнюс стал «тусклым и приглушенным, все, что осталось от него – кривые, изгаженные мухами маленькие улочки и грязные дворы с побеленными туалетами. Город сжался в узкие, ветхие здания. В дворовых проходах меня встречали кривоногие собаки и грязные цыплята» [4].

Действительно, Р. Гавелис в какой-то степени натуралистичен в изображении обыденного города: «У памятника Ленину девочки с задранными юбками загорали и курили сигареты с гашишем. Толстые тетki в ужасных одеяниях убрали слегка увядшие цветы и сажали новые; площадь должна всегда быть полна свежих цветов. – “Я не буду иметь детей в этом аду”, – раздался глубокий, хриплый голос женщины» [4]. В силу этого автор не свободен и от изображения маргинальной действительности: «Я был теми утренними пьяницами, сидевшими у фонтана, ожидая одиннадцати часов (только одиннадцати!), когда откроются виноводочные отделы. То было мое красное, морщинистое лицо с мешками под глазами. Мои руки тряслись, и горло судорожно сглатывало слюну» [4]; или, например: «Полуобморочные мужики тянулись, шатаясь, вдоль стен. Крикливые тетki вешали белье на закопченные веревки. Хриплые, пьяные крики разносились между толстыми стенами, я практически нигде не слышал ни слова по-литовски. Казалось, я уже не в Литве. Мой древний, священный город наводнили худшие из класса люмпенов» [4].

Тем не менее, автор делает вывод о том, что Вильнюс – самая интересная книга, которая существует. Жители этой «книги» «не бродят по вечерним улицам» [4], однако, Витаутас ничуть не расстраивается из-за этого, ибо пустой город особенно красив, он не испорчен телами людей. В это время суток герой чувствует все уголки и закоулки Вильнюса так же, как он чувствует свои собственные конечности.

Итак, городской топос (в романах Ю. Кунчинаса «Туула» и Р. Гавелиса «Вильнюсский покер» на примере города Вильнюса) адекватен восприятию каждого художника слова в зависимости от их онтологических воззрений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кунчинас, Ю.* Туула: Роман; Менестрели в пальто маски: Рассказы / Ю. Кунчинас / Пер. с лит. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. – 464 с.
2. *Венцлова, Т.* Роман без вранья / Т. Венцлова // Кунчинас, Ю. Туула: Роман; Менестрели в пальто маски: Рассказы / Пер. с лит. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. – С. 5–10.
3. *Social Change: Contemporary Lithuanian Literature: Anthology / introduction and selection: N. Klišienė.* – Vilnius: International Cultural Programme Centre, 2012. – 155 p.
4. *Gavelis, R.* Vilnius Poker (Kindle Edition).
5. *Венцлова, Т.* Вильнюс: Город в Европе / Т. Венцлова / Пер. с лит. Марии Чепайтите. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2012. – 264 с.
6. *Венцлова, Т.* Вашингтон – это пародия на Петербург / Т. Венцлова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://culture.pl/ru/article/tomas-venclova-vashington-eto-parodiya-na-peterburg-intervyu>. – Дата доступа: 12.07.2016.